

*Карцеральная политика как гендерное равноправие?
“Торговля женщинами” и неолиберальная связка
преступления, секса и прав¹*

Элизабет Бернстайн

“Чего мы хотим? Жесткого закона против рабства! Когда мы хотим? Сейчас!” – на митинге “Национальной организации для женщин” (NOW) за принятие в штате Нью-Йорк закона против торговли людьми, который ужесточил бы уголовное наказание в отношении клиентов проституток. Нью-Йорк, 1 февраля 2007 года

“Торговля людьми – это не проблема бедности. Это проблема правоприменения”.

Гэри Хауген, руководитель International Justice Mission (цит. по Landesman 2004: 30)

“Когда мы управляем с помощью преступления, область применения преступления и исторически связанных с ним форм знания – уголовного права, популярных криминальных историй и криминологии, выходит за рамки их изначальных предметных областей. Они превращаются в мощные инструменты для интерпретации и формулирования всех форм социального действия как проблемы управления”
Джонатан Саймон “Governing Through Crime”, 2007:17

Рост массовой инкарцерации в Соединенных Штатах (и, в меньшей степени, в Западной Европе) с 1970-х годов, пыталась объяснить абсолютно разношерстная плеяда социальных теоретиков. Современные карцеральные стратегии социального управления связывались с распространением неолиберальных экономических программ, с “культурами контроля”

¹ Перевод с англ. Ольги Грабовской выполнен по изданию Elizabeth Bernstein. “Carceral politics as gender justice? The “traffic in women” and neoliberal circuits of crime, sex, and rights.” *Theory and Society*, Vol. 41, 2012, p. 233–259. Редакция благодарит Элизабет Бернстайн за любезное согласие напечатать этот текст.

позднего модерна, с новыми режимами расового доминирования и с появлением новых политических парадигм “управления через преступление/преступность”.² В своей новаторской статье 1992 года “*The New Penology*” исследователи социальных наук и юриспруденции Малкольм Фили и Джонатан Саймон впервые указали на серию взаимосвязанных смещений в пенитенциарной идеологии, которые произошли в 1970-х и 1980-х годах. В частности они отметили возросшую социальную роль инкарцерации целых групп населения, признающихся опасными, в противовес системе проверки и реабилитации отдельных лиц. С этого момента, следующие друг за другом волны исследователей стремились понять общее значение массового лишения свободы как стратегии социального контроля в свете высказанного ранее Мишелем Фуко предсказания о том, что модернистский институт пенитенциарной системы, скорее всего, уступит место более диффузным формам управления (Foucault 1979). Какими бы ни были объяснения этого удивительного изменения режимов наказания, большинство теоретиков, в целом, согласны с более общим утверждением Фуко о том, что исследование мер наказания имеет первостепенное значение для понимания организации власти в целом. Поэтому от периферии социальной теории оно должно переместиться к ее центру.

В соответствии с такими оценками, многочисленные феминистские теоретики начали проследивать параллельную историю эволюции наказания. Такую историю, которая в процессах карательных трансформаций на первый план выдвигает роль сексуальности и гендера. Они описали социальные последствия резкого увеличения количества женщин-заключенных (Sudbury 2005; Schaffner 2005, Haney 2004), а также контроля над жизнями и телами женщин, который все больше и больше осуществляется на культурном уровне через гендерно-маркированный и повсеместно распространенный “страх перед преступностью” (Madriz 1997, Wood 2005).³ Любопытно, что они также проанализировали парадоксальные способы, которыми сам феминистский активизм (особенно в его гегемонном американском обли-

² См., напр., Wacquant 2009a,b, Garland 2001a, Sudbury 2005 и Simon 2007. Большинство теоретиков, за исключением Гарленда, исходят из предпосылки, что уровень лишения свободы существенно повысился, в то время как уровни преступлений и жертв снизились. За полноценным разъяснением таких разноплановых тенденций можно обратиться к Zimring 2007.

³ Женщины, в особенности не-белые женщины и женщины из стран глобального Юга – самая быстрорастущая группа среди общей популяции заключенных, и осуждаются они, как правило, за преступления связанные с наркотиками. (Haney 2004; Sudbury 2005; Bohman and Murakawa 2005).

чии) зачастую содействовал, нежели противостоял, карцерально-контролирующей руке неолиберального государства. К примеру, исследовательницы домашнего насилия и изнасилований указали на интенсификацию карцеральной политики в рамках второй волны феминизма (Gottschalk 2006, Bumiller 2008, Coker 2001, Guber 2007, Halley 2008a, Halley 2008b), обратив внимание на то, каким образом феминистские кампании против сексуального насилия оказались не просто апроприированны, но фактически стали неотъемлемыми составляющими элементами в эволюции уголовного правосудия как аппарата контроля.

Анализируя процессы, в рамках которых феминизм и, в более общем плане, сексуальность и гендер, оказались тесно переплетены с карательной повесткой в современной политике США, данная статья опирается на недавние работы в области социологии, юриспруденции и феминистской теории. Объединяя существующие теоретические дискуссии вокруг пенитенциарных тенденций с аналитическими выводами из моих собственных этнографических исследований современного движения по борьбе с торговлей людьми в Соединенных Штатах – актуальной областью феминистского активизма, в которой оптика преступления одержала верх над конкурирующими моделями социальной справедливости, – я подробно рассматриваю, каким образом неолиберализм и политика сексуальности и гендера переплетаются в карцеральном повороте, захватившем активистские движения, которые до этого организовывались вокруг борьбы за экономическую справедливость и личностное освобождение. Рассматривая меры по борьбе с торговлей людьми (human trafficking) в качестве “кейса”, далее я демонстрирую, как именно дискурс прав человека стал основным инструментом как для транснационализации карцеральной политики, так и для реинкорпорирования таких стратегий во внутренней политике в доброжелательном феминистском облики.

Представленные ниже размышления о *карцеральном феминизме*, никоим образом не подразумевают утверждения о том, что все существующие феминизмы, и тем более все феминистки, придерживаются карцеральной повестки. Например, относительно такого вопроса, как репродуктивные права – флагманский пункт либерально-левого края политического спектра, – даже в американском феминистском мейнстриме по-прежнему преобладает эмансипационный подход.⁴ Однако же карцеральная повест-

⁴ Хотя такие комментаторы как Сэйлтан (Saletan 2003) утверждают, что даже здесь некогда широкая политическая повестка относительно репродуктивных свобод, после сокращения и приватизации, сдвинулась вправо.

ка бесспорно преобладает в сфере проблем сексуального насилия, которая включает тему траффинга, но не ограничивается ею. Культурный теоретик Роджер Ланкастер в своей последней книге *Sex Panic and the Punitive State* показал, что начиная с 1960-х годов, феминистки и другие либералы по вопросам карательной и уголовной юстиции, и в особенности по вопросам секса, уверенно продвинулись вправо (Lancaster 2011:211).

Представленный анализ основывается на обзоре социологической и феминистской литературы по сексуальности, гендеру и карцеральности, а также на данных моего собственного этнографического исследования, собранных на программных встречах, конференциях и слетах, организованных как государством, так и активистками. В период между 2005 и 2009 годами я посетила 72 мероприятия с идеологически-разнообразной выборкой, которая включает как светско-феминистских, так и христианских евангелических активисток против торговли людьми в Вашингтоне и Нью-Йорке, и провела 28 глубинных личных интервью с лидерками движения. В то время как фокус моего эссе направлен, в первую очередь, на светские феминистские группы, которые оказали наибольшее влияние на пересборку коммерческого секса в терминах “торговли женщинами”, представленный анализ основывается также на моем продолжительном академическом и политическом взаимодействии с активистками секс-работницами, отвергающими парадигму торговли людьми и работающими с вопросами мигрантского сексуального труда внутри других политических рубрик (см., напр., Agustín 2007, Ahmad 2005, Jagori 2005).⁵ И, наконец, мои размышления информированы предыдущими десятью годами моих этнографических исследований, которые я провела с большой выборкой работниц и работников секс-бизнеса, клиентов и представителей власти в конце 1990-х – начале 2000-х годов (Bernstein 2007b). Они продемонстрировали, что рубрика “траффинга” неадекватна описанию крайне разнообразного опыта работы и эксплуатации, подтверждение этому также можно найти в растущем корпусе социальных научных исследований (см., например, Brennan 2004, Kempadoo 2005a и Cheng 2010).

В последующих разделах этого эссе, я сперва прослеживаю разнообразные связи между карцеральной политикой и неолиберализмом, которые были сформулированы в нескольких влиятельных текстах в рамках современных социологических и юридических теорий. Затем я вывожу предполагаемые гендерные и сексуальные измерения этих аргументов через анализ

⁵ Более подробное обсуждение христианско-евангелической борьбы с торговлей людьми см.: Bernstein 2007a; Bernstein 2010; Chuang 2010; и Weitzer 2008.

достижений новой волны феминистских социально-правовых исследователей и моей собственной этнографической работы по современным движениям против торговли людьми в Соединенных Штатах. Я прослеживаю возникновение того, что называю *карцеральным феминизмом* – культурной и политической формации, в которой борьба предыдущих поколений за справедливость и освобождение переформулируется в карцеральных терминах.⁶ В заключении я призываю к более тщательному вниманию к гендерной и сексуальной политикам в рамках ведущих теорий современных режимов наказания. Также как к более тщательному рассмотрению неолиберального карцерального государства в рамках феминистских дискуссий вокруг гендера, сексуальности и права.

Карцеральная политика как инструмент неолиберальной модели управления: теоретический обзор

Несмотря на то, что в спектре социальных исследований существует целый ряд работ, переместивших последние трансформации уголовного права в измерение расширенного социального значения этих тенденций, в соответствии с целями моего анализа, я начну свою статью с рассмотрения трех очень влиятельных текстов, которые появились в современной социологической теории в качестве интерпретаций “карцерального поворота” конца XX века в американской и западноевропейской политике. Это *Culture of Control* (2001a) Дэвида Гарленда, *Punishing the Poor* (2009b) Лорика Вакана (2009b) и *Governing Through Crime* (2007) Джонатана Саймона. В то время, как другие исследователи концентрировались на социальных и политических последствиях массовой инкарцерации (Western 2006, Manza, Uggen 2006, Garland 2001b), на массовом лишении свободы как расистском проекте белого превосходства (Peterson, Krivo, Hagan 2006, Davis 2003, Tonry 1995) или на артикулировании и продвижении политических альтернатив (см., например, Jacobson 2005, Petersilia 1998, Davis and Rodriguez 2000), все три вышеупомянутые исследования стремятся к расширению теоретического обоснования взаимосвязи между современными режимами наказания и более общими тенденциями в поздне-капиталистической культуре и политической экономике, включая те, что относятся к гендеру и сексуальности. Поэтому я решила сфокусироваться именно на них.

Работа Дэвида Гарленда *The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society* (2001) по-прежнему остается одним из самых перс-

⁶ Предшествующие дискуссии вокруг этого концепта см.: Bernstein (2007a) и Bernstein (2010).

пективных и влиятельных текстов в этом направлении. Во многом, благодаря смелому утверждению о том, что паттерны социальных, экономических и культурных отношений, сложившиеся в Америке, Британии и где бы то ни было еще в течение последних трех десятилетий XX века вылились в “набор рисков, незащищенностей и проблем контроля, которые сыграли решающую роль в формировании нашей изменяющейся реакции на преступление” (2001: viii). При рассмотрении права, дискурса и политики одновременно, то есть в качестве многогранного объекта анализа, Гарленду удалось осуществить важный научный вклад. Он тщательно каталогизировал возникновение аналогичных тенденций внутри двух различных национальных контекстов (в США и в Великобритании), сделав видимыми общие паттерны, лежащие в основании структурных преобразований, и тем самым поставил под сомнение распространенное мнение об американской исключительности. Согласно Гарленду, ряд социальных смещений, общих для позднего модерна, способствовал росту беспорядка и преступности и привел к резкой переориентации карательной индустрии от социальной реабилитации к политически консервативным вариантам “показательной справедливости” (*expressive justice*).⁷ В господствующем мировоззрении, характеризующем данную тенденцию, преступление рассматривается не как проблема экономической депривации, но, скорее, как проблема несовершенных средств социального контроля. В этой модели люди рассматриваются как естественным образом склонные к преступлениям до тех пор, пока они не будут ограничены в этом общественной властью. Именно такое консервативное понимание основных причин преступности склоняет политиков и общественность к возрождению карательных санкций, таких, как смертная казнь, также как и к таким формам правосудия, как, распро-

⁷ Концепт “показательной справедливости” (*expressive justice*) используется в отношении юридических и политических стратегий, а также в отношении отдельных “громких” судебных кейсов (см. напр., документальный фильм *The Central Park Five*, 2012), целью которых является возбуждение праведного гнева публики и спектакулярного торжества закона и справедливости (в рамках, диктуемых государственными и неолиберальными аппаратами контроля). При этом они могут негативно влиять как на предполагаемых или реальных “жертв”, так и усугублять структурное неравенство и насилие. Борьбу с торговлей женщинами, о которой пишет Бернштейн, можно рассматривать как движение “показательной справедливости”, предлагающее решать проблему структурного социального и экономического неравенства с помощью уголовного кодекса и правоприменительных сил (полиции). (Пер.)

страненные сегодня, паблик-нэйминг и -шэйминг кампании, в частности, складывающиеся вокруг сексуальных преступлений (2001: 9).

В своих размышлениях Гарленд уделяет особое внимание образованному среднему классу, который оставил свою прежнюю приверженность велфаристской реабилитационной модели правосудия. Он отмечает, что те, кто в прошлом были ее яркими защитницами и защитниками, практически ничего не предприняли, чтобы противостоять нынешнему дрейфу в сторону карательной политики. В понимании Гарленда важную роль в этом сдвиге играют пересмотренные нормы гендерного равенства и сексуальности, включая приватизацию семейной жизни среднего класса и выход женщин среднего класса на рынок оплачиваемой рабочей силы. Гарленд считает, что эти изменения привели не только к новой объективной уязвимости перед лицом преступлений (пустые и изолированные дома, повышающие возможности для совершения преступлений), но также к ощущению нестабильности/прекарности и “онтологической незащищенности” у среднего класса, и к запросу на компенсаторные формы социального контроля (155). Хотя заключения Гарленда здесь спорны (подробнее об этом я выскажусь ниже), его анализ удачно указывает на культурные основания карательной политики и широкого распространения карцеральных взглядов, особенно среди представителей благополучного среднего класса.

Стремясь объяснить схожие тенденции в современной культуре и в зарождающихся парадигмах уголовного правосудия, Лоик Вакан в *Punishing the Poor* (2007b) приводит более конкретный причинно-следственный аргумент в пользу политических оснований этих недавних широкомасштабных преобразований. Согласно Вакану, в основании современных тенденций наказания и инкарцерации лежит вовсе не совокупность культурных атрибутов, которые Гарленд связал с “поздней модерностью”. Скорее это проявление неолиберализма в качестве специфической политической и экономической стратегии. Карцеральное положение здесь вытесняет предыдущий режим, который был организован вокруг обеспечения материального благополучия (вэлфэр). Для Вакана неолиберализм представляет собой не сокращение, как это часто считается, государственного аппарата но, скорее, сдвиг в преобладающих формах и функциях государства, ключевой особенностью которого становятся новые карательные стратегии. Поскольку неолиберальные экономические стратегии перенаправляют общественные средства, которые раньше предназначались для обеспечения товарами и услугами [социально уязвимых групп – *Ред.*], они, фактически, требуют усиления карательного аппарата для сдерживания вновь лишенных гражданских прав обездоленных групп населения. Вакан утверждает, что везде,

где будет господствовать неолиберализм, будет царить и карцеральная политика, поэтому его анализ помогает объяснить рост карцеральной политики на большей части Европы, также как и в Соединенных Штатах.⁸

Вакан утверждает, что этот сдвиг имеет значительные социальные последствия, простирающиеся далеко за пределы экономики. При этом гендерно-обусловленный характер перехода от одной государственной формы к другой является ключевым компонентом в его аргументации. Согласно Вакану, неолиберализм, лучше всего можно охарактеризовать как маскулинизацию государства, в котором нежное “социальное лоно” превращается в жесткий “пенитенциарный кулак”. Этим обуславливается то, что неимущие женщины переходят от программы социального обеспечения к программе стимулирования трудовой деятельности, а неимущие мужчины в это время перемещаются из гетто в тюрьму. Помимо того, что Вакан учитывает разницу судеб по-разному расово, классово и гендерно маркированных тел в условиях неолиберализма, он также рассматривает функционирование гендера как на символическом, так и на материальном уровнях. “Сексуальный преступник” – особая демоническая фигуры, чья угроза идеалам культа семьи играет решающую роль в легитимации нового уголовного порядка. Дискурсивное производство этой фигуры в современной политике и культуре для Вакана иллюстрирует символическое измерение, которое дополняет другие производительные аспекты современного криминального дискурса в целом. Отмечая то, как призрак сексуального преступника успешно выносит сексуальную угрозу за пределы нуклеарной семьи, Вакан утверждает, что “гиперболизированное проклинание чужака-педофила в публичном пространстве... служит символическому очищению семьи и восстановлению ее устоявшейся роли убежища в мире нестабильности, даже если растущие неолиберальные тенденции в культуре и экономике подрывают ее” (235). Вакан посвящает целую главу символической эффективности сексуальных преступлений, стремясь продемонстрировать, как моральное отвращение к сексуальному хищнику предоставляет “настойчивый и постоянно возобновляемый повод для... [стратегий] жесткой нейтрализации и мстительного возмездия, которые, начиная с конца 1970-х годов, характеризуют пенитенциарную политику США” (214).

⁸ В то время как предметом широкого обсуждения стало предложенное Ваканом теоретическое моделирование взаимоотношений между неолиберализмом и карательным режимом (см., напр., Campbell 2011, Mayer 2011; Lancaster 2011), для меня интерес представляет не столько критика его теории за ее экономический детерминизм, сколько изучение связей, которые Вакан устанавливает между неолиберализмом, карцеральностью, сексуальностью и гендером.

В то время как объяснительные модели Гарленда и Вакана подчеркивают взаимосвязь между неолиберальной экономической политикой, усилением социальной маргинализации бедных и ростом уровня инкарцерации, Джонатан Саймон в теоретизации современной уголовной политики подчеркивает ее воздействие на жизни белого среднего класса. Сам по себе этот класс все более изолируется внутри неприступных как крепость огороженных жилых районов и внутри внедорожников, напоминающих боевые бронемашину. Саймон подчеркивает такое структурное сходство, которое пересекает границы расы, класса и этнической принадлежности, и обосновывает карцеральные стратегии социального контроля, независимо от того, идет ли речь о заточении в стенах собственного загородного дома или же о буквальном тюремном заключении. С этой точки зрения, массовая инкарцерация является не столько новой социальной стратегией доминирования над афроамериканским населением или дисциплинированием рабочей силы (которые следует рассматривать как следствие, а не причину современных пенитенциарных стратегий), сколько “мерой по разрешению политических дилемм управления через преступность” (159). По мнению Саймона, для анализа социальных теоретиков первостепенное значение имеет именно появление такой политической стратегии как управления через преступность. Тогда как строительство тюрем, так же, как и поставка конкретных тел для их заполнения, являются лишь второстепенными и производными явлениями.

Как и Вакан, Саймон подчеркивает символические и продуктивные, а не только репрессивные, аспекты современной политики борьбы с преступностью и оспаривает утверждение Дэвида Гарленда о том, что повышение уровня тюремного заключения соответствует фактическому росту преступности. Тем не менее, в отличие от Вакана, Саймон утверждает, что преступность и управление не связаны напрямую с контролем и доминированием над расовым меньшинством беднейших слоев населения. Вместо этого, бросая вызов взгляду на власть как на очерченную в прямых линиях, ведущих от социального центра к периферии (18), Саймон утверждает, что новые версии либеральной буржуазной “свободы” возникают не вопреки, а *посредством* сферы современной пенитенциарной политики. Как отмечает Саймон, одним из важнейших средств буржуазного управления через преступность стало возникновение парадигмы “субъекта-жертвы”. Подчеркивая рост политической роли и значения современного движения за права жертв, Саймон утверждает, что жертва преступления вытеснила обладающего правами гражданина, став идеальным правовым субъектом нашего времени.

Наконец, Саймон отмечает, что активную роль в продвижении новой парадигмы “жесткой борьбы с преступностью” играет сам феминизм, особенно в отношении вопросов изнасилования и домашнего насилия. В этой связи он обращается к идее теоретика права Ады Грубер о том, что изнасилованная женщина как жертва преступления стала “идеализированным политическим субъектом феминизма второй волны” (108). Вслед за Грубер и другими критиками феминизма, Саймон отмечает, что феминистская деятельность по борьбе с изнасилованиями и домашним насилием, которая ранее была ориентирована на средства правовой защиты на уровне низовых инициатив и социальных служб, все чаще обращается к полю действия уголовного права для достижения своих политических целей (эмблемой чего выступает “Закон против насилия над женщинами” 1994 года⁹).

Хотя в отношении взаимодействия между современной гендерной и карцеральной политикой анализ Саймона носит провокационный характер, вместе с тем, высказанное им предположение о том, что карцеральные стратегии являются *реакцией* второй волны феминизма на социальные преобразования (перспектива, разделяемая Гарлендом и Ваканом) и тем, за что сами феминистки активно боролись, вызывает ряд интригующих вопросов. Как объяснить в рамках подходов Саймона и Гарленда, почему феминистки решили консервативно отреагировать на те социальные изменения, которых они добились своим собственным активизмом? И с чего бы, если смотреть сквозь теоретическую оптику Вакана, феминисткам самим выступать за переход от “мягкого материнского лона” к маскулинизированному пенитенциарному государству? Другими словами, каковы собственные ставки феминизма в неолиберальных политиках сексуальности и инкарцерации?

Саймон, Гарленд и Вакан не предлагают систематического или достаточно детализированного осмысления функционирования гендера и сексуальности, хотя и правильно идентифицируют их в качестве важных стимулирующих факторов в описываемых ими процессах трансформации способов управления. Несмотря на различие перспектив, предлагаемых теоретиками, появление ремаскулинизированного пенитенциарного государства во всех трех текстах представляется как неолиберальная реакция на неопределенный набор “социальных тревог”, вызванных новыми эко-

⁹ Violence Against Women Act (VAWA) – федеральный закон США, принятый в 1994 году. Закон направлен на борьбу с сексуальным и домашним насилием, а также на реабилитацию и помощь жертвам. Для многих он символизировал политические достижения феминизма, его возросшую роль и вес. Однако для многих немейнстримных феминисток он стал знаком срачивания мейнстримного феминизма с репрессивными государственными структурами (Пер.).

номическими условиями, а также феминизмом. Такая картина согласуется с осязаемой ностальгией авторов в отношении набора гендеризированных социальных и экономических отношений, который был характерен для эпохи индустриального капитализма. Хотя все три теоретика отмечают, что современная карцеральная политика стала возможной благодаря призраку сексуализированного насилия (независимо от того, отводится ли основная роль в построении этой рамки феминисткам или нет), тем не менее, они пренебрегают объяснением того, почему угроза сексуального насилия является уникальным и эффективным культурным инструментом для осуществления такого перехода. Несмотря на огромный вклад в продвижение на передний теоретический план роли карцеральной политики в неолиберальных реконфигурациях государственной власти, и на откровенное признание авторами того, что новые формы сексуальности и гендера также являются неотъемлемой частью этих трансформаций, предстоит еще многое объяснить относительно того, как и почему пересекаются современные сексуальные и политико-экономические преобразования.

Чтобы заполнить те пробелы, которые оставили эти работы, нам необходимо углубиться в пересечения неолиберализма, карцерального государства и политик сексуальности и гендера. Почему карцеральные феминистские рамки приобрели большой вес, в то время как предыдущие велфаристские и освободительные феминистские взгляды стали менее популярны? Каким образом феминистские версии сексуальной и карцеральной политики объединяются друг с другом для того, чтобы маргинализировать другие точки зрения? Чтобы дать ответы на эти вопросы, я перехожу к формирующемуся корпусу исследований карцерального поворота в феминизме второй волны, а также к моим собственным этнографическим исследованиям современных кампаний против “женского рабства” (trafficking in women) – актуальной области феминистского активизма, в которой парадигма преступности получила быстрый подъем, как в Соединенных Штатах, так и на транснациональном уровне.

Карцеральный феминизм борется с “торговлей женщинами”

Холодным ветреным февральским днем, я отправилась на пятый митинг за принятие нового закона штата Нью-Йорк, который ужесточит возможные уголовные санкции в отношении мужчин, осужденных за покровительство проституции: от 90 дней до года тюремного заключения.¹⁰ Когда

¹⁰ 6 июня 2007 года законопроект “Нью-Йорк SB 5902” прошел при широкой поддержке нью-йоркских феминистских организаций.

я пришла на площадь Фоли, я встретила группу из пятидесяти или около того женщин (в основном белых или азиаток, и все, что примечательно, из среднего класса, о чем свидетельствуют их стильные наряды и обороты речи, характерные для людей с высшим образованием), а также скопление журналистов и зевак. Также присутствовало несколько влиятельных политических деятельниц города и штата, которые были приглашены организаторками для выступления.

Женщины из двух феминистских организаций, проводящих митинг (NOW-NYC и Equality Now) так же, как и несколько других групп, собрались на ступеньках за спикерками, держа таблички соответствующих организаций и раздавая печатные материалы. Время от времени они подначивали остальную толпу присоединиться к кричалке: “Чего мы хотим? Жесткого закона против рабства! Когда мы хотим? Сейчас!” Или, “Эллиот Спитцер, возьмите инициативу на себя! Жесткий законопроект по борьбе с торговлей людьми - вот, что нам нужно!”¹¹

В своих описаниях секс-индустрии все выступающие на митинге используют новые модные выражения (“жертва”, “хищник”, “преступник”, “эксплуататор”), наряду с дежурными историями о невинных женщинах, у которых отняли документы, заставили продавать собственные тела, которых заманили и обманули. Нарративы женской виктимизации сочетаются с настоятельным требованием “сосредоточиться на” и агрессивно преследовать виновных в сексуальном насилии. Уголовное право представляется как на удивление мощное и эффективное средство против плохого поведения мужчин: “У нас должны быть законы, которые заставят мужчин подумать дважды, прежде чем связываться с бизнесом сексуальной эксплуатации”, – страстно объясняет одна из представительниц Городского совета.

Последняя спикерка на мероприятии – Анджела Ли из Нью-Йоркского Центра азиатских женщин. Модная, среднего возраста, в черной кожаной куртке и хорошо сидящих брюках, она ни разу не упомянула роли глобальной бедности в динамике торговли людьми или проституции, вместо этого формулируя проблему в терминах сексуальной целостности семей. “Это семейная проблема, – заявляет она прямо, – особенно, в связи с приближением китайского Нового года, а вокруг так много семей жертв рабства, которые не смогут

¹¹ По иронии судьбы, до того, как уйти в отставку 13 марта 2008 года из-за обвинения в покровительстве проституции, Спитцер был активным союзником нью-йоркского феминистского движения (Powell and Confessore 2008).

отмечать праздник”¹². Ли идет еще дальше, и связывает те опасности, с которыми сталкиваются жертвы торговли людьми, с неспособностью штата Нью-Йорк принять закон, который обеспечил бы достаточно строгие уголовные санкции в отношении торговцев людьми и сутенеров. Она завершает свое выступление эмоциональным заявлением о том, что “нам нужно наказать торговцев людьми и освободить жертв!” – Из моих полевых заметок. Февраль 2007 года, Нью-Йорк.

Несмотря на то, что феминистские исследования и активизм вот уже десятилетие как работают с проблемами роли неолиберального государства в криминализации стратегий выживания бедных женщин, и, в частности, бедных не-белых женщин (см., напр., Davis and Shaylor 2001, Davis 2003, Schaffner 2005, Sudbury 2005, Haney 2010), значение именно расширяющейся феминистской интеграции с неолиберальным карцеральным режимом только начинает привлекать исследовательское внимание. Прояснить эту тенденцию, разлив и обосновав замечания Джонатана Саймона о том, почему феминизм – и, в особенности, современный феминистский активизм в области вопросов сексуального насилия – оказался критически важными участником позднекапиталистического карцерального поворота, пытаются два недавних генеалогических исследования второй волны феминизма, разработанные политическими теоретиками Мари Готшалк (Gottschalk 2006) и Кристин Бумиллер (Bumiller 2007). “Современное женское движение в Соединенных Штатах помогло развитию карцерального режима”, – объясняет Готшалк, отмечая, что некоторые из тех самых исторических и институциональных факторов, сделавших американское женское движение относительно успешным в снискании общественного признания, (включая надежную опору в политической элите, отсутствие конкурирующих марксистских течений и сильную национальную традицию политического либерализма), – оказались важными строительными блоками для карцерального государства, возникшего в то же время в 1970-х годах (115). Утверждая, что неолиберальный карцеральный императив нанёс сокрушительный удар по феминистской повестке относительно сексуального насилия и возможных альтернативных решений, Бумиллер (Bumiller 2008) также предполагает, что одинаково верно и обратное: как только сам феминизм оказывается

¹² Такие заявления игнорируют целый ряд социальных исследований, показывающих, что женщины и девочки часто занимаются проституцией, чтобы обеспечить своих родителей и детей; см., напр., Montgomery (2001); Agusthn (2007); Bernstein (2007b).

роковым образом заражен стратегиями криминализации, он начинает служить их более широкому распространению в других сферах (напр., таких как война с наркотиками).

В то время как Готшалк и Бумиллер выделяют американский феминизм в качестве исключительного случая, такие исследователи, как Тиктин (Ticktin 2008), Кемпаду (Kempadoo 2005b) и Кулик (Kulick 2003), указывают на аналогичные тенденции внутри ряда различных национальных контекстов. Так, например, говоря о взаимном влиянии французского феминизма и анти-иммигрантских настроений, Мириам Тиктин отмечает, что современная феминистская работа с проблемами сексуального насилия “часто осмысляется только сквозь призму расовых, культурных и религиозных различий” (Ticktin 2008:865). Как показывает Тиктин, благодаря “борьбе с сексизмом с помощью расизма” феминистские кампании вокруг сексуального насилия становятся всё более мощными вспомогательными средствами для реализации государственных интересов Франции в отношении контроля и охраны границ (Razack 1995:72, цит. в Ticktin 2008:865).

Еще одна актуальная область феминистского активизма, где проявил себя карцеральный поворот, – привлечение политического и культурного внимания к “торговле женщинами” (traffic in women). До середины 1990-х годов зарождающееся движение за права секс-работниц пыталось декриминализовать и дестигматизировать женский сексуальный труд и добиться для секс-работниц трудовых прав и гарантий, но в последние годы эти усилия оказались подорваны серией новых федеральных, государственных и международных законов, которые приравнивают всю проституцию к преступлению “торговля людьми” и налагают суровые уголовные наказания на торговцев людьми и клиентов проституток. Как отмечает исследовательница права Элис Миллер, в конце 1990-х годов этот поворот начал происходить в контексте транснационального феминизма, сложившегося вокруг и внутри ООН, и он повлек за собой “фокусирование на методах контроля над преступностью и спасательных операциях, в ущерб обеспечению полного спектра прав тех, кто попал в индустрию торговли людьми” (Miller 2004:32). По словам Миллер “Протокол против торговли людьми” ООН от 2000 года представляет собой международный законодательный акт, созданный “в духе контроля

преступности, а не прав человека или защиты труда” (Miller 2004:32). В Соединенных Штатах, несмотря на то, что некоторые активистки против торговли людьми продолжают на словах поддерживать декриминализацию и обеспечение защиты экономических прав секс-работниц, превалирующий вектор актуального феминистского внимания сходным образом оказался ориентирован на расширение – а не на искоренение – сферы вторжения уголовного права в секс-индустрию.

Несмотря на то, что “торговля людьми”, как ее определяют международные протоколы и действующее федеральное законодательство, может предположительно включать в себя случаи потогонного труда, сельскохозяйственные работы или трудовые практики на военных базах в Ираке, именно куда менее распространенные случаи сексуального рабства женщин и девочек вызвали у феминистских активисток, государства и прессы наибольшую обеспокоенность. Например, в “Протоколе против торговли людьми” ООН от 2000 года к “торговле людьми” относится “эксплуатация проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов” (UNODC 2000). Тем не менее, как замечает Миллер в отношении протокола, “место, которое проституция занимает в этом списке оказывается асимметричным”, поскольку она оказывается отделена от конкретных критериев насильственности или принуждения, квалифицирующих другие формы труда. Миллер показывает, как в этом контексте возникают две переплетающиеся темы: “зона сексуального обмена как приоритетная для государственного вмешательства и уголовная ответственность как основная форма ответственности за эксплуатацию” (Miller 2004:32).

Феминистские активистки по борьбе с торговлей людьми сами подтверждают, что сфокусированность скорее на сексуальном насилии, нежели на структурных условиях эксплуатируемого труда в целом – в дополнение к стратегическому партнерству в этом вопросе с евангелическими христианами – сыграла решающую роль в юридическом оформлении проблемы, имеющем мощные материальные и символические последствия (Bernstein 2007a; Bernstein 2010; Chuang 2010). На таких мероприятиях, как тот митинг против торговли людьми на площади Фоли в Нью-Йорке в феврале 2007 года, который я

посетила, проявилась политическая эффективность сочетания угрозы сексуального насилия и призывов к расширению карцерального государственного аппарата, вместе с абсолютным консенсусом политических лидеров и феминистских активисток относительно того, что торговля людьми это прежде всего проблема семейных ценностей, сексуального хищничества, а также их жертв – женщин и детей.

Комментаторы, критически оценивающие рост движения по противодействию торговле людьми в Соединенных Штатах, зачастую связывают его возрастающее влияние с тем, что они воспринимают как морализаторскую сексуальную политику двух его наиболее значимых групп: “радикальных феминисток” и “консервативных христиан”¹³. Они утверждают, что обе группы придерживаются “архаичных и дискриминационных представлений о феминности и сексуальности” (Saunders 2005) и сексуальной идеологии, которая является “про-семейной” и “про-супружеской” (Weitzer 2007), а также разделяют антипатию к не-репродуктивному сексу (Soderlund 2005). Как в дальнейшем продемонстрировали политические исследователи Дороти Бусс и Диди Херман (Buss and Herman 2003), к концу 1990-х годов феминистки и евангелисты были хорошо подготовлены к созданию транснациональных альянсов вокруг этого вопроса, поскольку возрастающая опора ООН на НКО способствовала вступлению многочисленных новых евангелических НКО в международную политическую борьбу.

Другие критики указывают на четкую параллель между возмущением современных феминисток по поводу сексуальной эксплуатации и моральной паникой их предшественниц, сходным образом добившихся в начале прошлого века собственного влияния через использование фигур попорченной женственности, поруганной невинности и виктимизацию “женщин и детей”, сконструированных вокруг “белых рабынь” (white slavery) (см., напр., Kempadoo 2005a, b; Foerster 2009; Agustinn 2007; Doezema 2010). В то же время такие

¹³ Учитывая политическую траекторию многих активисток, изначально связанных с этой позицией, которая привела их к довольно высокому положению в национальных и международных управленческих структурах, в том числе в Белом Доме Буша, можно сказать, что в данном случае термин “радикальные феминистки” может быть ошибочным обозначением (см. Bernstein 2010).

комментаторы, как Роджер Ланкастер (Lancaster 2011) и Кэрл Вэнс (Vance 2010), рассматривают современную мобилизацию против траффинга в Соединенных Штатах в контексте сменяющих друг друга волн “сексуальных паник”, которые происходили в США на протяжении XX и XXI веков. Значительный исторический резонанс между нынешней кампанией по борьбе с торговлей людьми в США и анти-порнографическими слушаниями комитета Миза (Meese Commission),¹⁴ проходившими в 1980-х (во время которых консервативные христиане и часть феминистского движения в очередной раз объединили свои усилия во имя сексуальной реформы) также был отмечен исследовательницами и исследователями (Weitzer 2007, см. также Vance 1997, Duggan and Hunter 1995).

Несмотря на то, что консервативному наследию феминистской сексуальной политики, лежащей в основе современных кампаний по борьбе с торговлей людьми было уделено должное критическое внимание, большинство существующих описаний здесь останавливается, не доходя до рассмотрения другой социологически важной связи, существующей между феминистскими и евангелическими активист_ками и обеспечившей подъем [дискурса] “торговли женщин” до его нынешней, весьма влиятельной политической и культурной позиции – исторически далеко не неизбежной парадигме карцерального задействия государства во внутренней и внешней политике. Большинство комментаторок оставили без внимания вопросы о том, *почему* видение политики сексуальности, исходящее из версии (феминистских) семейных ценностей, господствует в данный конкретный исторический момент, или о том, как эти ценности могут сочетаться с более широкими набором политических и экономических интересов. В то время, как такие теоретики, как Гарленд, Вакан и Саймон последовательно описывают становление карцерального государства и дают лишь фрагментарный набросок динамики сексуальности и гендера, способствовавшей его возникновению, столь же значительными

¹⁴ Комитет Миза занимался исследованием порнографии и выработкой юридических средств по противодействию ей. Доклад комитета получил одобрение консерваторов и части феминисток, другие же феминистки и либералы критиковали доклад как посягающий на свободу слова и пытающийся установить новую рамку контроля над женскими телами и сексуальностью (*Пер.*).

недостатками обладают другие исследования сексуальной политики, оказавшиеся не способными на полноценный анализ нового и практически повсеместного упора фем-активисток именно на карцеральной версии гендерной справедливости.¹⁵ В современных кампаниях по борьбе с торговлей людьми, как и в неолиберальных правительствах в целом, “левые” и “правые” стороны политического спектра переплетаются в запутанном клубке сексуальных и карцеральных ценностей. Анализ становления карцерального феминизма, происходящего одновременно с развитием других неолиберальных техник управления, позволит нам распутать хитросплетения этих факторов.

Неолиберальные (феминистские) семейные ценности

В 1970-х годах нашей феминистской целью было “освобождение”: освобождение от дискриминации на работе, освобождение от сексуальных ограничений, освобождение от принудительного секса, принудительной беременности и принудительного домашнего обслуживания... Наше внимание было направлено не столько на насилие само по себе, сколько на его функцию подавления. Феминистские демонстрации... проводились не для того, чтобы наказывать мужчин или защищать женщин; если уж на то пошло, мы осуждали наказание женщин и защиту мужчин. Мы были полны решимости захватить наши города, наши рабочие места, наши дома, наши жизни в бесстрашном пренебрежении к карательным – или охранительным – комендантским часам и контролям. Мы знали, что наше движение было трансгрессивным и потому опасным, и у нас не было иллюзий относительно неприкосновенности или безопасности домашнего пространства.

– Gail Pheterson, *Tracing a Radical Feminist Vision From the 1970s to the Present*, 2008.

Как недавно отметила теоретик феминизма Гейл Фитесон, феминистская критика семьи и дома, господствовавшая ранее, начала идти на спад одновременно с тем, как начало расти принятие карцеральной политики вместе с поддержкой карательного или “охраняющего” комендантского часа и контроля. Хотя этот последний сдвиг может быть объяснен с точ-

¹⁵ В этой связи важным исключением является Ланкастер (Lancaster 2011).

ки зрения “новой буржуазной карательности (punitiveness)”,¹⁶ описанной Дэвидом Гарлендом, обращение мейнстримного феминизма к семейным ценностям и его фиксация на внесемейных формах сексуального насилия [как на наиболее проблематичных - *Ред.*] имеет собственную социологическую значимость. Такое направление мысли резко контрастирует с подходами, предложенными в классических социологических работах, таких как *Abortion and the Politics of Motherhood* (Luker 1985) и *The Stranger Next Door* (Stein 2002), а также знаменитой журналистской аналитике *What's the matter with Kansas?* Томаса Фрэнка (Frank 2005), которые показали, что существует достаточно оснований для того, чтобы интерпретировать приверженность правых семейным ценностям как классово-обусловленную реакцию на сексуальную культуру доминирующей элиты. В этих работах идеологии правых активистов и активисток рассматриваются как обусловленные их материальными условиями, а приверженность консервативному подходу в политике сексуальности как обусловленная гендеризированными классовыми стратегиями тех, кого оставила за бортом глобальная экономика.

В то же время, как было отмечено всеми, в том числе и Гарлендом, Ваканом и Саймоном, а также как показывают мои собственные исследования современного движения по борьбе с торговлей людьми, неолиберальная карцеральная политика и сопровождающая ее “консервативная” сексуальная политика, все чаще находят приют внутри либерально настроенного среднего класса с профессиональным образованием. В предыдущей статье (Bernstein 2010) я утверждала, что в современных кампаниях по борьбе с торговлей людьми, как это ни иронично, семейные ценности поддерживаются именно светскими феминистками, компанию которым составляет новый контингент евангелических христиан, рекрутированных из среднего класса, занимающихся проектом сексуальной модернизации, буквально переносящим их в самые отдаленные уголки мировой секс-индустрии. Два последних сдвига в феминистской и консервативной христианской сексуальной политике сделали возможным их нынешний союз против сексуального рабства: светские феминистки перешли от концентрации внимания на плохих мужчинах в стенах дома (сексуально абыюзивные мужья и отцы) к сексуальным хищникам за его пределами (торговцы людьми, сутенеры и клиенты), а новое поколение христиан-евангелистов сделало дружествен-

¹⁶ В оригинале употребляется термин *punitiveness*. Он обозначает “поддержку теории справедливости, основанной на возмездии, и отсутствия поддержки реабилитационных программ”. Другими словами, преимущество метода контроля и наказания, а не исправления и работы с причинами преступлений (см. напр., Maruna & King (2009), *Once a Criminal, Always a Criminal?*) (*Пер.*).

ный феминизму шаг, сместив свое внимание с сексуально распущенных женщин (что выражалось в озабоченности такими проблемами, как аборты) на сексуально распущенных мужчин. Для обеих групп маскулинистские институты крупного бизнеса, государства и полиции переопределяются как союзники и спасители, а не враги мигрантов секс-работников, а ответственность за торговлю людьми перемещается со стороны структурных факторов и господствующих институций на отдельных (зачастую расово-маркированных) мужчин-преступников. Слегка изменив знаменитое замечание Гаятри Спивак о гендеризированной логике постколониальной политики, можно сказать, что в современных кампаниях по борьбе с торговлей людьми белые женщины, вооружившись союзничеством с ключевыми объектами институциональной власти, спасают коричневых женщин от коричневых мужчин (Spivak 1988).

Несомненно, что светских феминисток борьба с сексуальным рабством привлекает теми возможностями, которые эта работа открывает для профессионального роста и путешествий (см. напр., Halley 2006; Grewal 2005; Agustín 2007), но важно также и то, что современные феминистки воспринимают эту проблему как возможность символически усилить свою власть в гетеросексуальных отношениях в семейной сфере – ту власть, которую, как предполагается, разрушает глобальная секс-индустрия. “Проституция формирует у мужчин представление о том, что такое секс, кто такие женщины и как с ними следует обращаться” – заявляла одна белая активистка из среднего класса на одном из недавних мероприятий, посвященных борьбе с рабством и спонсированном феминистским анти-траффикинг НКО *Коалиция против торговли женщинами* (CATW). “Представление о том, что система ценностей проституции может быть ограничена, и что она затронет только каких-то других женщин или женщин только в этой стране, и что она не распространится на общество в целом... это иллюзия”, – заявила другая активистка. Как отметила Джо Дозема, британский теоретик культуры, относительно “травмированной привязанности к проституткам из третьего мира”, характерной для западных феминисток, “в международных феминистских дебатах по поводу торговли женщинами ‘страдающее тело’ ‘жертвы рабства из третьего мира’ служит в качестве мощной метафоры для продвижения определенных феминистских интересов, которые нельзя рассматривать как интересы самих секс-работниц третьего мира” (Doezema 2001:16; см. также Brown 1995).

На связи между глобальным секс-рабством и гендеризированными властными отношениями внутри гетеросексуальной семьи также акцентирует внимание сборник эссе *Pornography: Driving the Demand in*

International Sex Trafficking, опубликованный недавно феминистской НКО по борьбе с торговлей людьми. В одном из эссе активистка Чинг Сан подчеркивает ущерб, который коммерциализированный секс, задающий новые стандарты того, как женщины должны “выглядеть, издавать звуки и вести себя”, наносит приватной сфере и гетеросексуальным отношениям (Sun 2007:245). В другом недавнем феминистском сборнике *Not for Sale* авторка Кристен Андерберг (Anderberg 2004) выступает с осуждением мировой секс-индустрии после описания того, как просмотр порнографических видео вместе с партнером привел ее к изнуряющим проблемам с телом и резкому падению самооценки. Точно так же, как в девятнадцатом веке ряд материальных и символических инвестиций в гетеросексуальный брак поддерживал сексуально “пуританскую” феминистскую борьбу против белого рабства, аборт и даже контроль над рождаемостью (см., напр., Gordon 1982, Walkowitz 1982), современные феминистки имеют определенную заинтересованность в “семейных ценностях” и доме, которая может быть расшифрована с точки зрения глобальных взаимосвязей культуры консьюмеристского общества позднего капитализма. В то время как современные дискуссии о влиянии секс-индустрии на нормативные гетеросексуальные отношения имеют важный исторический прецедент, расширение масштаба и охвата коммерческой сексуальности в условиях глобализации – того, что одна влиятельная анти-траффик активистка назвала “проституцией сексуальности” (Bagg 1995) – способствовало быстрому наращиванию феминистских опасений и забот.

Одна из ключевых амбиций современных активисток по борьбе с торговлей людьми – сделать институт гетеросексуального брака более эгалитарным и более безопасным, вернув любовную этику в сексуальные отношения. Хотя анти-траффик активистки представляют как гетеронормативные либерально-феминистские, так и более “радикальные” лесбо-феминистские традиции (как то иллюстрируется, например, союзом между NOW-NYC и Equality Now во время митинга 2007 года), обе группы связаны между собой, как и с их коллегами христианскими евангелистами, общей приверженностью сексуальной этике, основанной на отношениях, а не на рекреации [и удовольствии] (Bernstein 2007b). Гораздо более основополагающей, чем гетеросексуальный/лесбо-феминистский раскол прошлых поколений (см., напр., Bunch 1972; Morgan 1973; Echols 1989), является нынешняя убежденность, служащая закреплению политического союзничества идеологически разрозненных групп, в том, что сексуальность должна удерживаться внутри границ романтической пары. Как объяснила мне одна феминистская активистка, рассказывая о первоначальном формировании

альянса между такими разными группами, составляющими коалицию по борьбе с торговлей людьми, “целый консорциум, от крайне левых до крайне правых, выступал за то, чтобы признать всю проституцию рабством... Что было по-настоящему интересно, так это коалиция людей ... коалиция, в которую вошли и “Армия спасения”, и лесбо-феминистская Equality Now, и CATW в Нью-Йорке и Майкл Хоровиц, который очень консервативен ... Это новая политика. Подобной группы я никогда раньше не видела”.¹⁷

Таким образом, с точки зрения анти-траффик феминисток, новые социальные незащищенности созданы вовсе не “изменением гендерных ролей”, вызванных феминистскими социальными преобразованиями (в отличие от Гарланда, Вакана и Саймона), а порождены, скорее, сексуальной революцией 1960-х и 1970-х годов, сделавшей внесемейные сексуальные отношения соблазнительными для мужчин и, тем самым, послужившей изменению баланса гендерной власти. Так, известная активистка против торговли людьми Донна Хьюз связывает существование траффика не только с проституцией, но и с появлением культурно-либерального и толерантного отношения к сексу, порождающего у мужчин спрос на сексуальные услуги (May 2006).¹⁸ Другая активистка по борьбе с торговлей людьми, с которой я разговаривала о её участии в этом движении, схожим образом в общих чертах обрисовала свое представление о сексуальной дилемме феминисток, объясняя, что “через рекламные ролики, билборды, маркетинг сексуальности все разрастается, пока не исчезает... защита над нашими физическими телами, нет никаких рамок, все приемлемо”. Третья феминистская комментаторка, активно участвующая в современных дебатах о борьбе с торговлей людьми, прямо связала “торговлю женщинами” с распространением проституции, порнографии и откровенной сексуальности в современных медиа (Clarke 2004). Эти активистки не ошибаются в своей идентификации новой парадигмы сексуальности, ориентированной на потребителя, возникшей наряду с другими культурными преобразованиями позднего капитализма и основанной не на этике отношений, но на этике рекреации. Но удивительно и иронично то, что для борьбы с этой тенденцией феминистки решили использовать про-семейную стратегию, которая

¹⁷ Хоровиц, который работает в неоконсервативном мозговом центре, Институте Хадсона, во время президента Буша был ключевой фигурой в укреплении коалиции по борьбе с торговлей людьми (см. Hertzke 2004).

¹⁸ Хьюз – почетная глава кафедры женских исследований в Университете Род-Айленда. Она опубликовала множество докладов о “торговле женщинами” в национальном и международном контекстах. Также она постоянная авторка консервативного журнала *The National Review*.

сама по себе неразрывно связана с неолиберальной приверженностью капитализму и криминализации.

Вместо того, чтобы относиться к гетеросексуальной нуклеарной семье как к еще одному институту мужского доминирования, который (сам по себе является ключевым воплощением “обмена женщинами”¹⁹) и должен быть упразднен, современный дискурс борьбы с торговлей людьми позиционирует семью как приватизированную сферу безопасности для женщин и детей, которых должна защищать система уголовного правосудия. Еще на одном мероприятии CATW по борьбе с торговлей людьми приглашенная ораторка, молодая женщина, ранее работавшая в секс-индустрии и поэтому называвшая себя “выжившей” в торговле людьми, объясняла свой опыт через сочетание “фигуры отсутствующего отца” и обилие сексуализированных СМИ. (В противовес этому, она сообщила, что успешно справилась с выпавшим ей испытанием, подчеркнув при этом, что теперь она замужем и работает полный рабочий день на “хорошо оплачиваемой, настоящей работе”). В отличие от сексуальной политики раннего радикального феминизма, стремившегося связать сексуальную эксплуатацию в проституции с вопросами насилия в целом, в том числе внутри дома и семьи (см., напр., Morgan 1970; Barry 1979; MacKinnon 1989), современные кампании по борьбе с торговлей людьми направлены исключительно против не-семейных форм гетеросексуальности.

Эта тяга к дому как к надежной гавани укладывается в концепцию того, что феминистский теоретик Индерпал Грюваль назвала “гендером безопасности” в США начала двадцать первого века (Grewal 2006). Грюваль рассматривает фигуру “мамы-охранницы” – той, кто стремится использовать силу секьюритизированного государства, чтобы защитить себя и своих детей – в качестве гендерно-маркированного символа изолированного образа жизни средних классов, также описанного Джонатаном Саймоном. Мои этнографические наблюдения за феминистками, борющимися с торговлей людьми, также выявляют, сродни анализу Грюваль, специфический ряд гендеризированных инвестиций в неолиберальное карцеральное государство – инвестиций, которые тесно связаны с собственным расово и классово привилегированным социальным статусом этих активисток. На тех встречах с активистками по борьбе с торговлей людьми, на которых я

¹⁹ В своем классическом очерке “Обмен женщинами” феминистская антропологиня Гейл Рубин наряду с богатыми данными межкультурных исследований также использовала работы Маркса, Энгельса, Клода Леви-Стросса и Жака Лакана, чтобы показать, что причиной женского угнетения являются социальные конвенции брака и родства (Rubin 1975 [Рубин 2000]).

присутствовала, взаимосвязь между множественными структурными привилегиями и карательным подходом проявлялась в различном виде – от профессионального формата конференций (в Американской ассоциации адвокатов, в штаб-квартире Ассоциации адвокатов округа Нью-Йорк, в элитных юридических компаниях) до набора межличностных связей, которые активистки выстраивали во время своих стратегических собраний. “Есть ли там наши женщины-судьи?” – спросила одна из активисток на собрании юристов. “Мы общаемся с женой губернатора?” – спросила другая. Ориентированность активизма по борьбе с торговлей людьми на образованный высший средний класс, которую я наблюдала в своих исследованиях, также согласуется с результатами исследований классовой принадлежности активисток по борьбе с проституцией в других национальных контекстах (см., напр., Но 2005, Jeffrey 2002) и в современной транснациональной феминистской активности в целом (Eisenstein 2009; Desai 2005).

Как представительницы классовой формации, которые, по всей видимости, получают крупные материальные и символические выгоды от брака, активистки по борьбе с торговлей людьми стремятся активно поддерживать и воспроизводить этот статус, и они готовы заручиться поддержкой государственного аппарата ради тех гендерных и сексуальных интересов, которые наиболее актуальны для них самих: версии “феминистских семейных ценностей”, основанной на либеральном понимании формального равенства между женщинами и мужчинами и безопасными границами сексуальности в рамках парных союзов.²⁰ Как и в анализе “мамы-охранницы” у Грюваль, эти женщины используют и продвигают карцеральное государство для секьюритизации сексуальных границ дома.

Принятие феминистками карцеральной политики и формулирование этой политики через обращение к про-семейным идеалам гендера и сексуальности было очевидно во время собраний групп по борьбе с торговлей людьми, организованных NOW-NYC и AAUW,²¹ которые я посещала с 2006 по 2008 год. В ноябре 2006 года на конференции по проблеме насилия в отношении женщин, которая была проведена при поддержке AAUW и других феминистских организаций, несколько сотен образованных женщин,

²⁰ Демографические исследования показывают, что если раньше успехи в образовании и способность к экономической независимости были для женщин, скорее, барьерами на пути вступления в брак, то теперь образованные белые женщины стали группой, с наибольшей вероятностью состоящей в браке (см., напр, Martin 2006; Goldstein, Kenney 2001).

²¹ AAUW - American Association of University Women (*Пер.*)

преимущественно белых, провели целый день за обсуждением необходимости искоренения проституции для достижения равноправия женщин, в то время как вокруг них перемещались, расставляя столы и стулья и подавая напитки, десятки чернокожих и латиноамериканских женщин в передниках. Основным докладчиком была адвокатка феминистского НКО *Equality Now*, которая поднялась на трибуну после того, как ее очень любезно представили: “бывший прокурор по сексуальным преступлениям и мать”. По всей видимости беременная, с выделяющимся бриллиантовым кольцом на безымянном пальце левой руки, эта хорошо одетая адвокатка с прекрасной укладкой напомнила аудитории о важных сдерживающих эффектах уголовного права и следующим образом поведала об ужасах торговли людьми:

Я бы хотела рассказать вам историю Кристины, которая ... была жертвой торговли людьми. Она приехала сюда, когда ей было 19 или 20 лет, по объявлению о том, что как она подумала, было работой няней. И когда она прибыла в аэропорт JFK ... ей сообщили, что работа для няни больше не актуальна... Конечно ... она была вынуждена работать в борделе. И она описывает свой опыт теми же словами, которые любой из нас использовал бы для его описания. Она описывает секс в проституции как отвратительный, как деградацию и как глубоко травматичный. И я хотела бы обсудить с вами некоторые долгосрочные эффекты, имеющие место уже после того как она вырвалась из этого. Она бесплодна. У неё никогда не будет детей. [Из моих полевых заметок, ноябрь 2006 г.]

На многочисленных конференциях по борьбе с торговлей людьми, которые я посещала на протяжении всей моей полевой работы, рассказывались практически идентичные истории, а единственное важное изменение касалось имени жертвы.²² Нужно подвергать тщательному анализу подобные способы демонстрации вреда от торговли людьми, осуществляемые с помощью “истории Кристины”, предельно обобщенная форма которой предполагает, что она, по крайней мере, частично вымышлена и, в лучшем

²² Некоторые другие события, на которых рассказывались поразительно похожие истории: конференция “Покончим со спросом”, организованная SATW на заседании Комиссии ООН по положению женщин 2 марта 2007 года; конференция SATW “Отмена сексуального рабства: из Стокгольма в Хантс-Пойнт”, состоявшаяся в Нью-Йоркской коллегии адвокатов 6 ноября 2008 года; и конференция “Сексуальное рабство и нео-аболиционизм”, которая состоялась в Бруклинском музее 13 декабря 2008 года.

случае, представляет собой сконструированный в стратегических целях пример. Особо стоит отметить, что домашняя работа – неформальный сектор занятости эпохи позднего капитализма – наделяется моральной и политической легитимностью,²³ в то время, как исключительно женский (и всегда только негативный) опыт “секса в проституции” и нарушение репродуктивных способностей конструируются в качестве наибольшего возможного вреда для женщин.²⁴ Хотя элементы этого нарратива, несомненно, воплощались и воплощаются в жизни реальных людей, в качестве репрезентации торговли людьми описанный сценарий довольно далёк от наиболее распространенных действительных случаев (Feingold 2005; Kempadoo 2005a; Bales 1999). Ещё более любопытно, что согласно материалам дела, составленного Министерством юстиции Соединенных Штатов, в суде никогда не разбиралось ни одного случая торговли людьми, соответствующего этому описанию (US Department of Justice 2011). Приверженность упомянутой адвокатки одновременно карцеральному государству, капиталистической сфере обслуживания и идеологии феминистских семейных ценностей прекрасно сочеталась с лежащей в основе неолиберальной логикой, объединяющей эти сферы, в которых социальное неравенство, порожденное глобализацией, считается легитимным до тех пор, пока сохраняются сексуальные границы семейной жизни среднего класса.

Во время дискуссии, посвященной “прекращению спроса” на сексуальные услуги и проходившей на заседании “Комиссии по положению женщин”, которую я посетила в ООН в марте 2007 года, связка между сексуальной и карцеральной политикой была артикулирована в очередной раз. На этом заседании, посвященном проблематизации “спроса” мужчин на услуги секс-работниц, участницы дискуссии не преминули воспользоваться подходящим случаем, чтобы наглядно продемонстрировать, как эффективно использовать карцеральное государство для достижения гетеро-романтических и сексуально эгалитарных нуклеарных семей. Первая ораторка из *Коалиции против торговли женщинами* (CATW) особо поприветствовала пятерых белых мужчин среднего класса, находившихся в зале, представив их в качестве образцов новой модели просвещенной маскулинности,

²³ Хотя, по некоторым оценкам, торговля людьми более распространена в сфере домашнего труда, а не в коммерческом сексе (см., напр., Feingold 2005), первая более совместима с семейными интересами женщин среднего класса.

²⁴ Существует множество критических феминистских исследований, доказывающих как раз обратное; см., напр., Bernstein (2007b); Agustinn (2007); Chapkis (1997); Brennan (2004).

и призвала членов аудитории “приводить своих мужей, сыновей и братьев” на следующие встречи. Та модель проституции и торговли людьми, о которой рассказывала панелистка CATW, не имела никакого отношения к структурным или экономическим факторам, но была обусловлена исключительно действиями плохих мужчин: мужей, которые могли соблазниться сексуальными услугами за пределами семьи, или плохих мужчин без семьи (закодированных как не-белые и не-местные), способных выманить женщин и девочек из [безопасного] дома.²⁵ Несмотря на то, что CATW считает себя прогрессивной феминистской организацией, ее участницы без тени сомнения зывали к помощи со стороны карательного государственного аппарата. Как неоднократно подчеркивала председательница собрания в ходе своего резко осудительного доклада о гетеросексуальных мужчинах, приобретающих сексуальные услуги, “единственное, что предотвращает рецидив – это страх ареста”.

Несмотря на то, что многочисленные исследования показали, что преследование клиентов приводит, прежде всего, к росту проституции в помещении, а не к ее искоренению (O’Connell Davidson 2003; Brock 1998, Bernstein 2007b), для активисток CATW ставкой является более широкий ряд символических эффектов, который может предложить политика криминализации – не только превращение фигуры “сексуального хищника” в гротескную пародию, как то утверждал Вакан, – но и делегитимизация рынков женского сексуального труда и коммерциализированной сексуальности в целом. Как я утверждала в другом месте (Bernstein 2007b), в этой ситуации государство может использовать феминистскую логику для инкарцерации тех, кто стоит на пути неолиберального переустройства городов, и удаления из публичного пространства расово – и классово – Других.

Во время полевой работы с феминистками мне приходилось часто слышать о пользе карцерального государства для секьюритизации буржуазной семьи, а точнее, для одомашнивания гетеросексуальных мужчин, что проявлялось также в частых обращениях к “шведской модели” как образцу просвещенной политики против торговли людьми. Криминализация мужчин-покупателей сексуальных услуг – политическая модель, впервые принятая в Швеции в 1998 году – в транснациональном феминизме зачастую обозначается как “шведская модель”, что должно подчеркивать ее феминистское происхождение и эффект, поскольку Швеция считается самой

²⁵ Агустин (Agustinn 2007) осмысляла тревогу по поводу торговли людьми как эффект вытесняемых опасений по поводу женщин “покидающих дом” ради секса. Я же отмечаю озабоченность феминисток вне-семейными сексуальными похождениями мужчин, в особенности мужей.

гендерно-эгалитарной страной в мире. И на следующем заседании CATW на тему “Отмена сексуального рабства: от Стокгольма до Хантс Пойнт”, ораторки хвалили шведскую стратегию криминализации клиентов секс-работниц и восхищались репутацией Швеции в области гендерного равенства, одновременно упоминая стремление шведского государства всеобщего благосостояния “содействовать тому, чтобы мужчины проводили время дома со своими маленькими детьми”. Однако, за транснациональным распространением этой карцеральной стратегии осталось незамеченным то, что сама Швеция приняла её только после того, как её фирменное государство всеобщего благосостояния, (которому, в первую очередь, Швеция и обязана своей феминистской репутацией), оказалось серьезно ослаблено в 1990-х годах (Bernstein 2007b, Hobson 1999).²⁶

В том же контексте феминистские теоретики неолиберализма, такие как Лиза Дагган (Duggan 2003) и Кейт Бедфорд (Bedford 2009), указывали на то, что идеологии “семейных ценностей” выходят на первый план тогда, когда ослабевают другие формы социальных связей. Брак как институция “основывается на приватизации общественного воспроизводства, наряду с удовлетворением человеческой потребности в отношениях, достигаемых через личную ответственность, реализуемую в семье и в гражданском обществе, – и, таким образом, переносит расходы с государственных учреждений на отдельных лиц и домашние хозяйства” (Duggan 2003:14). Упадок государства всеобщего благосостояния и господство политики закона и порядка, основанной на поощрении “личной ответственности” и осуждении общественных беспорядков, напрямую связаны не только как институциональные альтернативы управления расизированными бедными (как это предположил Вакан), но и через “плотное переплетение” между неолиберальными и экономическими и (гендерными) культурными проектами (Duggan 2003). Если Вакан распознаёт, но не объясняет этот переход к “маскулинному” карательному государству или дополняющей его просемейной сексуальной политике, то Дагган и Бедфорд демонстрируют, что политическая актуализация “семейных ценностей” служит для того, чтобы восполнить дефицит заботы, образовавшийся после ослабления государс-

²⁶ Составляющие шведской модели криминализации были приняты в различных странах, от Норвегии и Исландии до Южной Кореи, Филиппин и Чили. Хотя шведский закон специально предусматривает уголовную ответственность только для клиентов проституток (но не для самих секс-работниц), транснациональные феминистки и национальные государства зачастую используют шведскую модель как прикрытие для расширения сферы криминализации, затрагивающей как самих секс-работниц, так и их клиентов (Bernstein 2007b).

тва всеобщего благосостояния. Они показывают, что неолиберальное государство может быть сопряжено с “одомашниванием мужчин”, которое происходит одновременно на двух разных уровнях: бедным и мужчинам из рабочего класса приходится делать больше работы по уходу за домом и брать на себя бремя социального воспроизводства, оставшееся после того, как сами женщины переходят в сферу оплачиваемого труда. В то же время мужчинам образованного среднего класса предлагается ограничить свое потребление таким образом, чтобы оно могло сочетаться с гетеросексуальной семейственностью и романтическими отношениями.

Неолиберальная связка: преступность, секс и права

Вышеприведенные примеры демонстрируют, что развитие карцерального феминистского подхода – как новой социальной стратегии регулирования расово- и классово других, и как элемента неолиберальной гендерной стратегии секьюритизации семьи и реставрация морального авторитета брака – имеет множество связей с крахом государства социального благосостояния. С учетом этого становится ясно, что по мере того, как неолиберальная экономическая политика распространяется по всему миру, она будет способствовать и распространению криминализации как новой версии социальной справедливости (как это продемонстрировал Вакан) *в тандеме с* новой политической парадигмой гендера и сексуальности, основанной на (феминистских) семейных ценностях – любящих, сексуально эгалитарных парах. Эта новая парадигма распространяется с помощью таких разнородных средств, как ужесточение законов и контроль над сексуальными преступниками (включая предложения по созданию нового общеевропейского реестра сексуальных правонарушителей), включение мужчин в производство заботы, осуществляемой в частной сфере, через официальную политику развития Всемирного банка и набирающие обороты международные кампании против “торговли женщинами”.²⁷ Действительно, одной из причин, благодаря которой кампании по борьбе с торговлей людьми стали такой притягательной темой для феминисток, евангелистов и других активистов, является то, что та взаимосвязь разделяемых ими сексуальных, карцеральных и экономических ориентиров, может быть встроена в дискурс “прав женщин” (women’s human rights), ставший гегемонным на международной арене. Как заметила по-

²⁷ О распространении жестких уголовных законов против сексуальных преступников в Европе см. *Sex laws: Unjust and Ineffective* (2009). О гетеронормативности, лежащей в основе политики развития Всемирного банка см. Bedford (2009).

литический теоретик Кристин Бумиллер (Bumiller 2008), “конвенции по правам человека пытаются содействовать улучшению положения женщин, оказывая давление на государства, чтобы те предпринимали усилия для принятия и применения строгих и эффективных уголовных законов против межличностного насилия” (136). Поскольку “права женщин” понимаются как относящиеся исключительно к вопросам сексуального насилия и физической неприкосновенности, (но не касаются гендерного измерения более широкого набора социальных, экономических и культурных проблем), модель прав человека, в её глобальном проявлении, стала высокоэффективным средством распространения феминистской карцеральной политики в глобальном масштабе (см. также Grewal 2006; Miller 2004).

В контексте кампаний по борьбе с глобальной “торговлей женщинами” эта эффективность проявляется в ранжировании и экономических санкциях, которые США накладывают на страны, недостаточно строго придерживающиеся карцеральной политики по борьбе с проституцией, в транснациональном активистском требовании криминализовать спрос мужчин-клиентов на сексуальные услуги, в ужесточении контроля за международными границами в качестве средства “защиты” потенциальных жертв торговли людьми и в новых ограничениях на возможность передвижения для женщин-мигранток (Chuang 2010; Kempadoo 2005b, Ticktin 2008, Charakis 2005). Феминистки, выступающие против торговли людьми, активно лоббировали все эти меры в дополнение к решительной поддержке “анти-проституционной присяги” правительства США, которая подразумевает, что НКО, которые открыто не занимают осуждающей позиции по отношению к проституции, теряют возможность получить финансирование от USAID (Chuang 2010; Saunders 2005; NSW 2006). Более того, феминистки поддержали неформальные облавы на публичные дома, проводимые в таких странах, как Индия и Камбоджа, евангельскими христианскими группами (напр., *International Justice Mission*) при поддержке местной полиции²⁸. Хотя Саймон, Вакан и Гарланд не обращают внимания на то, какие политические эффекты оказывает глобальное распространение дискурса прав человека на интенсификацию описанных ими в рамках национальных государств карцеральных стратегий, Бумиллер (Bumiller 2008), Хэйли (Halley 2008), Грюваль (Grewal 2006) и другие критически настроенные

²⁸ *International Justice Mission* является крупнейшей евангельской христианской организацией по борьбе с торговлей людьми в США. В ней работают более восьмидесяти штатных сотрудников, занятых полный рабочий день, и она имеет представительство в 14 странах. Дальнейшее обсуждение *International Justice Mission* см.: Bernstein (2007a); Bernstein (2010); и Thrupkaew (2009).

феминистки показали, что правозащитная риторика стала незаменимым инструментом для международного распространения все более популярной парадигмы феминизма-как-борьбы-с-преступностью.

С точки зрения активисток, занимающихся борьбой с торговлей людьми в США, переход к международной сфере прав человека сыграл решающее значение для переноса междоусобных политических споров среди феминисток о роли проституции и порнографии (эти вопросы раскололи феминисток США в 1980-х и начале 1990-х годов, победу одержали сторонницы эмансипационных фракций) в поле гуманитарных проектов, в котором, скорее, преобладали противницы проституции.^{29,30} Как объясняла мне во время интервью одна из основательниц известной феминистской НКО по борьбе с торговлей людьми, ключом к успешному развязыванию войны против коммерческого секса стало переопределение вреда проституции и торговли людьми, до этого рассматривавшихся в контексте их непосредственного влияния на жизни западных феминисток, в качестве политически нейтральных вопросов гуманитарной поддержки женщин третьего мира:

Ранняя волна осознания эксплуатации привела к тому, что порнография и проституция вместе стали рассматриваться как тип коммерческой сексуальной эксплуатации женщин. Но эта волна была разбита ACLU³¹ ... теми же людьми, которые были против привлече-

²⁹ О феминистских спорах 1980-х и 1990-х годов по поводу порнографии см. Vance (1993, 1997) и Duggan and Hunter (1995).

³⁰ Феминистские споры по поводу порнографии и секс-работы в исследовательских и активистских текстах известны как “феминистские секс-войны” (feminist sex wars). Противницы порнографии и проституции (радикальные феминистки, нео-аболиционистки) призывают к запрету, цензуре и криминализации этих сфер, так как считают, что они по своей сути, независимо от контекстов, эффектов и даже мнения самих женщин, в них занятых, являются институтами угнетения женщин (другие гендерные и сексуальные идентичности практически не учитываются) и потому должны быть уничтожены. Эмансипационные группы (про-секс феминистки) рассматривают проституцию и порнографию не как неизбежно патриархальные и угнетающие женщин, но как исторические феномены, обусловленные контекстом и потому поддающиеся трансформации, в принятии политических решений стараются опираться на позицию самих секс-работниц, защиту их прав и свобод, выступают с критикой политики запретов и цензурирования (Пер.).

³¹ ACLU (Американский союз защиты гражданских свобод) – НКО, занимающееся защитой гражданских прав и свобод. Поддерживает права ЛГБТ и женщин (в том числе, право на аборт), выступает против смертной казни и пыток (Пер.).

ния к уголовной ответственности за изнасилования, поскольку это привело бы к диспропорциональному и дискриминационному преследованию не-белых людей... И дело не в приоритетности задачи. . Дело в простом базовом понимании прав человека. После этого [мы] ушли в подполье... но затем [появилась] торговля людьми, и повестка вернулась. (Из моих примечаний, 3 декабря 2008 г.)

Другая активистка по правам человека, с которой я беседовала, отметила, что, к моменту проведения “Всемирной конференции по положению женщин в Пекине” в 1995 году, рамки торговли и проституции бесповоротно изменились: “В Пекине проблема траффинга как проблема труда была впервые преобразована в проблему сексуального насилия и рабства”. По словам этих активисток, феминисток, ранее участвовавших в борьбе за законодательное ограничение проституции и порнографии во внутренней политике, изначально сдерживали другие, более либеральные феминистские фракции и ACLU, которые выступали против потенциально дискриминационных последствий системы уголовного преследования. Но, переописав эти проблемы с позиции международной “торговли женщинами” и в качестве нарушения международных обязательств в отношении прав женщин, они уже не встречали сопротивления в битве за сексуальность.

Последний поворот в транснациональных феминистских кампаниях против торговли людьми произошел после того, как все больше внимания стало уделяться так называемым “внутренним” формам сексуального рабства. После повторного утверждения в 2005 году Закона США о защите жертв торговли людьми (TVPRA) была установлена юридическая и моральная эквивалентность между “внутренней” и “трансграничной” торговлей людьми (USDS 2005). Чтобы сделать городскую уличную проституцию приоритетным объектом правоохранительного контроля, TVPRA предусматривал учреждение федеральных грантов в размере 5 000 000 долл. США, предназначенных для раскрытия сексуального рабства внутри страны.³² Как предполагают некоторые комментаторы, смещение акцента в борьбе с торговлей людьми с международной на внутрисполитическую арену США произошло в силу того, что правительство США оказалось не способно выявить то непомерно завышенное количество жертв трансгра-

³² “Закон о защите жертв торговли людьми” от 2000 года определяет “сексуальное рабство” предельно широко, как “вовлечение, укрывательство, транспортировка, предоставление или покупка лица в целях получения коммерческого сексуальных услуг” (Государственный департамент Соединенных Штатов 2000)

ничной торговли людьми, о существовании которых оно ранее заявляло (см. напр., Brennan 2008).³³

По данным Министерства юстиции США, в результате расследований 2515 случаев торговли людьми, проведенных в период с 2008 по 2010 год, из 389 подтвержденных случаев торговли людьми - 85% были случаями сексуальной торговли, из которых 83% были гражданами США, а 62% подозреваемых в торговле людьми были афроамериканцами и афроамериканками (еще 25% всех подозреваемых были латиноамериканцами и латиноамериканками) (US Dept. of Justice 2011). Расовые эффекты законов по борьбе с торговлей людьми также утяжеляются еще и тем фактом, что молодым людям, осужденным за сутенерство, теперь может назначаться тюремное заключение сроком до 99 лет как лицам “вовлеченным в торговлю людьми внутри страны” (ранее это, обычно, были сроки в несколько месяцев), а секс-работницы мигрантки всё чаще подвергаются арестам и депортации ради их собственной “безопасности” (Chapkis 2005, Bernstein 2007b, City Justice Center 2009). Таким образом, как внутри страны, так и на международном уровне, политика США по борьбе с торговлей людьми способствовала беспрецедентной интенсификации полицейского преследования не-белых людей, вовлеченных в уличную сексуальную экономику, в равной степени касаясь сутенер_ш, клиентов и секс-работниц, так же как и обращению вспять тенденции роста легитимности сексуального труда, преобладавшей до конца 1990-х годов (см. также Day 2010). Поэтому современные кампании по борьбе с торговлей людьми могут быть рассмотрены в качестве одновременно эффективного и феминистского воплощения карцерального и сексуального измерений, переплетающихся в неолиберальном проекте и ознаменовавших начало политики новых семейных ценностей и борьбы с преступностью, одновременно устанавливая новое понимание гендерной справедливости и “прав женщин”.

Заключение

Если политика постматериализма склоняется и к добру, и ко злу,
то преступление – естественная метафора зла.

– Caplow and Simon, *Crime and Justice* (1999, цит. по Gottschalk, 11)

³³ Начиная со вступления в силу “Закона о защите жертв торговли людьми” в 2000 году правительство понижало свои оценки количества жертв трансграничной торговли людьми - от 50 000 до 14 500-17 000 человек в год (US GAO 2006). Для классификации случая как “внутренней торговли людьми” не требуется наличия принуждения, если речь идет о несовершеннолетних.

В этой статье я стремилась синтезировать и развить аргументы современных социальных исследований становления карцерального государства и его связей с более общими паттернами культурных и политических трансформаций. Опираясь на разные описания взаимосвязи между неолиберализмом и поворотом к пенитенциарной модели справедливости в современной социальной политике, я выделила имплицитные гендерные измерения этого сдвига, как и его неравномерное расовое и классовое влияние, совместив, таким образом, теории карцеральности и наказания с наблюдениями, взятыми из моих собственных эмпирических исследований кампаний против торговли людьми. Я попыталась показать, почему понимание недавних трансформаций внутри феминистского движения и, в более общем плане, в политике гендера и сексуальности, имеет решающее значение для макро-анализа неолиберального карцерального государства, предложенного такими теоретиками, как Гарленд, Вакан и Саймон. Последовательно кодировал такие проблемы, как изнасилование, сексуальные домогательства, порнография, сексуальное насилие, проституция и торговля людьми в федеральном, а затем и в международном уголовном праве, мейнстримные феминистки оказали неоценимую идеологическую поддержку проводимым карцеральным трансформациям (Halley 2006:21). В последнее время набирающий обороты дискурс “прав женщин” начал использоваться еще и для того, чтобы переориентировать внимание феминисток с приватного пространства дома и нации на все расширяющуюся международную арену, установив, таким образом, карцеральные версии феминизма на глобальном уровне.

Крайне важно понять основополагающую гендерную и сексуальную динамику, которая вдохновила этот сдвиг в феминистских приоритетах и стратегиях. Предположения, высказанные такими теоретиками, как Гарленд, Саймон и Вакан, о том, что поздне-модерное состояние “гендерной флюидности” привело к реакционному обращению к карцеральной политике со стороны ранее либерального среднего класса, не учитывают специфические гендерные интересы, лежащие в основе выступления феминисток на стороне неолиберального карцерального государства. В то время, как Гарленд правильно отмечает, что поздне-капиталистические социальные преобразования дестабилизировали некоторые аспекты жизни среднего класса и спровоцировали его поворот к новой буржуазной карательности, он ошибочно понимает не только реальность угрозы преступлений, но также и ту гендерную и сексуальную нестабильность, которая лежит в основании этой тенденции. В современных кампаниях по борьбе с торговлей людьми в качестве самой главной угрозы воспринимаются не абстрактные “изменения гендерных ролей”, а, скорее, реконфигурированные нормы мужской

сексуальности, которую и феминистки, и евангельские христиане из среднего класса хотят скорректировать при помощи уголовного правосудия и семейных ценностей. Хотя Вакан пронизательно выявляет как взаимосвязь между закатом государства всеобщего благосостояния и возникновением государства карательного, так и решающее значение символической роли сексуального преступника для осуществления этих преобразований, он не учитывает собственные инвестиции феминисток в содействие этому сдвигу. Прояснить этот момент помогают как мои собственные этнографические наблюдения, так и критика сексуальности и неолиберализма, предложенная другими феминистками, анализирующими, как пересечение расовых, классовых и гендерных позиций внутри группы влиятельных западных феминисток подтолкнуло их к серьезным инвестициям в современное секьюритизированное государство и в буржуазную модель семьи.

Наконец, Саймон исследовал те способы, какими современное государство безопасности не только контролирует бедных, но также и участвует в конструировании представлений среднего класса о секьюритизированном варианте “свободы”, а также он указал на важную роль феминизма в продвижении этого проекта. Приверженность современных феминисток “семейным ценностям” и политике закона и порядка подпитывается неолиберальным государственным аппаратом, который всё чаще регулирует жизни бедных, также и жизни среднего класса, с помощью преступления, и в котором приватизированная семья определяется как наиболее оптимальная институция социальной поддержки. В этих обстоятельствах для многих феминистских (и евангелистских) сторонниц социальной справедливости становится привлекательной возможность использования не-экономических средств – таких, как управление с помощью преступности – для балансировки властных отношений внутри семьи. Сохранившиеся и заново расцветшие версии феминизма добиваются не перераспределения материальных благ, но, скорее, задействуют взаимодополняющие сексуальные и карцеральные стратегии, поддерживаемые реконфигурированным неолиберальным государством.³⁴

В целом, данная статья демонстрирует, что внимание к карцеральной позиции социальных акторов имеет решающее значение для понимания

³⁴ В случае кампаний по борьбе с торговлей людьми стратегии, ориентированные на перераспределение материальных благ, артикулировали бы проблемы, связанные с нынешней международной долговой и кредитной политиками, глобальными рынками и политической экономикой развития [стран глобального Юга - *Пер.*], которые, прежде всего, и подталкивают женщин к участию в эксплуатационном сексуальном труде и рискованным миграциям.

той политики, которая в вопросах сексуальности свела вместе “левых” с “правыми” и феминисток с евангелистами – и наоборот. Я использовала торговлю людьми в качестве исследовательского кейса, чтобы показать, как работают вместе сексуальная и карцеральная политики неолиберализма, выявляя кросс-идеологические альянсы, складывающиеся вокруг сексуальности и преступности. Как то убедительно демонстрируют такие теоретики, как Гарленд, Вакан и Саймон, в настоящий исторический момент сексуальность зачастую становится сцепкой, объединяющей вместе “левых” и “правых” вокруг повестки уголовного правосудия. Мой собственный анализ современных кампаний по борьбе с торговлей людьми продемонстрировал, что также верно и обратное: уголовное правосудие часто является наиболее эффективным средством для объединения феминисток и евангелистов вокруг исторически и социально специфических идеалов сексуальности, гендера и семьи. Для полноценного осмысления процесса становления карцерального государства и его связи с социальными трансформациями позднего капитализма, нам необходим феминистский анализ неолиберализма, внимательный к взаимодополняющим стратегиям сексуальных и карцеральных политик.

Благодарность

Я бы хотела поблагодарить Рэйвина Коннелла и двух анонимных рецензентов за их (ценные/полезные) комментарии к (предшествующему) наброску этой статьи. Я также благодарна за отзывы Кервину Кай, Ники Бейселю, Лорен Берлант, Линде Церилли и членам весеннего семинара-практикума в Университете Чикагского центра гендерных исследований.

Литература

1. Agustín, L. M. (2007). *Sex at the margins: migration, labour markets and the rescue industry*. London: Zed Books.
2. Ahmad, N. (2005). Trafficked persons or economic migrants? In K. Kempadoo (Ed.)
3. *Trafficking and prostitution reconsidered* (pp. 211–229). Boulder: Paradigm.
4. Anderberg, K. (2004). No more porn nights. In C. Sark & R. Whisnant (Eds.), *Not for sale: Feminists resisting prostitution and pornography* (pp. 275–277). North Melbourne: Spiniflex.

5. Bales, K. (1999). *Disposable people: New slavery in the global economy*. California: University of California Press.
6. Barry, K. (1979). *Female sexual slavery*. New York: New York University Press.
7. Barry, K. (1995). *The prostitution of sexuality: The global exploitation of women*. New York: New York University Press.
8. Bedford, K. (2009). *Developing partnerships: Gender, sexuality, and the reformed World Bank*. Minnesota: University of Minnesota Press.
9. Bernstein, E. (2007a). The sexual politics of new abolitionism. *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies*, 18 (3), 128–151.
10. Bernstein, E. (2007b). *Temporarily yours: Intimacy, authenticity, and the commerce of sex*. Chicago: University of Chicago Press.
11. Bernstein, E. (2010). "Militarized humanitarianism meets carceral feminism: the politics of sex, rights, and freedom in contemporary anti-trafficking campaigns" *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, Special Issue on Feminists Theorize International Political Economy, Guest-edited by Kate Bedford and Shirin Rai, 36, 1.
12. Bohrman, R., & Murakawa, N. (2005). *Remaking big government: Immigration and crime control in the United States*. In J. Sudbury (Ed.), *Global lockdown: Race, gender and the prison-industrial complex* (pp. 109–126). London: Routledge.
13. Brennan, D. (2004). *What's love got to do with it?: Transnational desires and sex tourism in the Dominican Republic*. Durham: Duke University Press.
14. Brennan, D. (2008). "Competing claims of victimhood? Foreign and domestic victims of trafficking in the United States", *sexuality research & social policy*. Special Edition: *Sexual Commerce and the Global Flows of Bodies, Desires and Social Policies*, 5 (4), 45–61.
15. Brock, D. (1998). *Making work, making trouble: Prostitution as a social problem*. Toronto: University of Toronto Press.
16. Brown, W. (1995). *States of injury: Power and freedom in late modernity*. Princeton: Princeton University Press.
17. Bumiller, K. (2008). *In an abusive state: How Neoliberalism appropriated the feminist movement against sexual violence*. Durham: Duke University Press.

18. Bunch, C. (1972). "Lesbians in Revolt." In M. Blasius and S. Phelan (Eds.), *We are everywhere: a historical sourcebook of gay and lesbian politics* (pp. 420–424). New York: Routledge.
19. Buss, D., & Herman, D. (2003). *Globalizing family values: The christian right in international politics*.
20. Minneapolis: University of Minnesota Press.
21. Campbell, J. L. (2011). Neoliberalism's penal and debtor states. *Theoretical Criminology*, 14 (1), 59–73.
22. Chapkis, W. (1997). *Live sex acts: Women performing erotic labor*. New York: Routledge.
23. Chapkis, W. (2005). "Soft glove, punishing fist: The trafficking victims protection act of 2000." In Elizabeth Bernstein and Laurie Schaffner, eds., *Regulating Sex: The Politics of Intimacy and Identity*. New York: Routledge, pp. 51-67.
24. Cheng, S. (2010). *On the move for love. Migrant entertainers and the U.S. Military in South Korea*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
25. Chuang, J. A. (2010). "Rescuing Trafficking from Ideological Capture: Anti-Prostitution Reform and Anti-Trafficking Law and Policy." *University of Pennsylvania Law Review*, 158, 1655–1728.
26. Clarke, D. A. (2004). Prostitution for everyone: Feminism, globalisation, and the sex' industry. In C. Stark & R. Whisnant (Eds.), *Not for Sale: Feminists Resisting Prostitution and Pornography* (pp. 149–206). North Melbourne: Spiniflex.
27. Coker, D. (2001). Crime law and feminist law reform in domestic violence law. *Buffalo Criminal Law Review*, 4 (2), 801–860.
28. Davis, A. Y. (2003). *Are prisons obsolete?* New York: Seven Stories.
29. Davis, A. Y., & Rodriguez, A. (2000). The challenge of prison abolition: a conversation. *Social Justice*, 27 (3), 212.
30. Davis, A. Y., & Shaylor, C. (2001). Race, gender, and the prison industrial complex California and beyond. *Meridians: Feminism, Race, Transnationalism*, 2 (1), 1–25.

31. Day, S. (2010). The re-emergence of 'trafficking': sex work between slavery and freedom. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 16, 816–834.
32. Desai, M. (2005). Transnationalism: the face of feminist politics post-Beijing. *International Social Science Journal*, 57 (2), 319–330.
33. Doezema, J. (2001). Ouch! Western feminists 'wounded attachment' to the third world prostitute'. *Feminist Review*, 67, 16–38.
34. Doezema, J. (2010). *Sex slaves and discourse masters: The construction of trafficking*. London: Zed Books.
35. Duggan, L. (2003). *The twilight of equality? Neoliberalism, cultural politics and the attack on democracy*. Boston: Beacon.
36. Duggan, L., & Hunter, N. D. (1995). *Sex wars: Sexual dissent and political culture*. London: Routledge.
37. Echols, A. (1989). *Daring to be bad: Radical feminism in America, 1967–1975*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
38. Eisenstein, H. (2009). *Feminism seduced: How global elites use women's labor and ideas to exploit the world*. Boulder: Paradigm.
39. Feeley, M., & Simon, J. (1992). The new penology: notes on the emerging strategy of corrections and its implications. *Criminology*, 30 (4), 449 – 474.
40. Feingold, D. (2005). Think again: human trafficking. *Foreign Policy*, 150, 26–30.
41. Foerster, A. (2009). Contested bodies: sex trafficking NGO's and transnational politics. *International Journal of Feminist Politics*, 11 (2), 151–173.
42. Foucault, M. (1979). *Discipline and punish: The birth of the prison*. New York: Vintage Books.
43. Frank, T. (2005). *What's the matter with Kansas? How conservatives won the heart of America*. New York: Holt Paperbacks.
44. Garland, D. (2001a). *The culture of control: Crimes and social order in contemporary society*. Chicago: The University of Chicago Press.

45. Garland, D. (Ed.). (2001b). *Mass imprisonment: Social causes and consequences*. London: Sage.
46. Goldstein, J. R., & Kenney, C. T. (2001). Marriage delayed or marriage forgone: new cohort forecasts of first marriage for U.S. women. *American Sociological Review*, 66 (4), 506–519.
47. Gordon, L. (1982). Why nineteenth-century feminists did not support birth control and twentieth-century feminists do: Feminism, reproduction and the family. In B. Thorne & M. Yalom (Eds.), *Rethinking the family: Some feminist questions*. New York: Longman.
48. Gottschalk, M. (2006). *The prison and the gallows: The politics of mass incarceration in America*. Cambridge: Cambridge University Press.
49. Gottschalk, M. (2009). The long reach of the carceral state: the politics of crime, mass imprisonment, and penal reform in the United States and abroad. *Law and Social Inquiry*, 34 (2), 439–472.
50. Grewal, I. (2005). *Transnational America: Feminisms, Diasporas, Neoliberalisms*. Durham: Duke University Press.
51. Grewal, I. (2006). Security moms' in the early twenty-first century United States: the gender of security in neoliberalism. *Women's Studies Quarterly*, 34 (S), 25–39.
52. Gruber, A. (2007). The feminist war on crime. *Iowa Law Review*, 92, 741–775.
53. Halley, J. (2006). *Split decisions: How and why to take a break from feminism*. Princeton: Princeton University Press.
54. Halley, J. (2008a). Rape in Berlin: reconsidering the criminalization of rape in the international law of armed conflict. *Melbourne Journal of International Law*, 9 (1), 78–124.
55. Halley, J. (2008b). Rape at Rome. Feminist interventions in the criminalization of sex-related violence in positive international criminal law. *Michigan Journal of International Law*, 30 (1), 1–123.
56. Haney, L. (2004). Introduction: gender, welfare, and states of punishment. *Social Politics*, 11 (3), 333–362.

57. Haney, L. (2010). *Offending women: Power, punishment and the regulation of desire*. California: University of California Press.
58. Hertzke, A. (2004). *Freeing God's children: The unlikely alliance for global human rights*. Rowman and Littlefield: Lanham.
59. Ho, J. (2005). From anti-trafficking to social discipline: Or, the changing role of "women's NGOs" in Taiwan. In K. Kempadoo (Ed.), *Trafficking and prostitution reconsidered* (pp. 83–105). Boulder: Paradigm.
60. Hobson, B. (1999). Women's collective agency, power resources and the framing of citizenship rights. In M. Hanagan & C. Tilly (Eds.), *Extending citizenship, reconfiguring states* (pp. 149–178). Lanham: Rowman and Littlefield.
61. Jacobson, M. (2005). *Downsizing prisons: How to reduce crime and end mass incarceration*. New York: New York University.
62. Jagori (2005). "Migration, trafficking, and sites of work." In K. Kempadoo (Ed.), *Trafficking and prostitution reconsidered* (pp. 159–175). Boulder: Paradigm Publishers.
63. Jeffrey, L. A. (2002). *Sex and borders: Gender, national identity, and prostitution policy in Thailand*. Honolulu: University of Hawaii Press.
64. Kempadoo, K. (Ed.). (2005a). *Trafficking and prostitution reconsidered: New perspectives on migration, sex work, and human rights*. Colorado: Paradigm.
65. Kempadoo, K. (2005b). Victims and agents of crime: The new crusade against trafficking. In J. Sudbury (Ed.), *Global lockdown: Race, gender and the prison-industrial complex* (pp. 35–55). London: Routledge.
66. Kulick, D. (2003). Sex in the New Europe: the criminalization of clients and the Swedish fear of Penetration. *Anthropological Theory*, 3 (2), 199–218.
67. Lancaster, R. (2011). *Sex panic and the punitive state*. Berkeley: University of California Press.
68. Landesman, P. (2004). "The girls next door." *NY Times Magazine*, 25 Jan, <http://www.nytimes.com/2004/01/25/magazine/the-girls-next-door.html?pagewanted=01>.
69. Luker, K. (1985). *Abortion and the politics of motherhood*. California: University of California Press.

70. MacKinnon, C. A. (1989). *Toward a feminist theory of the state*. Boston: Harvard University Press.
71. Madriz, E. (1997). *Nothing bad happens to good girls: Fear of crime in women's lives*. Berkeley: University of California Press.
72. Manza, J., & Uggen, C. (2006). *Locked out: Felon disenfranchisement and American democracy*. New York: Oxford University Press.
73. Martin, S. P. (2006). Trends in marital dissolution by women's education in the United States. *Demographic Research*, 15/20, 537–560.
74. May, M. (2006). "Sex trafficking: San Francisco is a major center for international crime networks that smuggle and enslave." *San Francisco Examiner*, Oct. 6, http://articles.sfgate.com/2006-10-06/news/17316911_1_trafficking-victims-human-trafficking-new-owners.
75. Mayer, M. (2011). "Punishing the poor—a debate." *Theoretical Criminology*, 14 (1), 93–103.
76. Miller, A. (2004). Sexuality, violence against women, and human rights: women make demands and ladies get protection. *Health and Human Rights*, 7 (2), 16–48.
77. Montgomery, H. (2001). *Modern Babylon: Prostituting children in Thailand*. United Kingdom: Berghahn Books.
78. Morgan, R. (Ed.). (1970). *Sisterhood is powerful: An anthology of writings from the women's liberation movement*. United Kingdom: Vintage Books.
79. Morgan, R. (1973). Lesbianism and Feminism: Synonyms or Contradictions. In M. Blasius and S. Phelan (Eds.), *We are everywhere: A historical sourcebook of gay and lesbian politics* (pp. 424–435). New York: Routledge.
80. Network of Sex Work Projects (NSWP). (2006). "Taking the pledge (Video)." <http://sexworkerspresent.blip.tv/file/181155/>.
81. O'Connell Davidson, J. (2003). Sleeping with the enemy'? Some problems with feminist abolitionist calls to penalise those who buy commercial sex. *Social Policy and Society*, 2 (1), 1–9.
82. Petersilia, J. (Ed.). (1998). *Community corrections: Probation, parole, and intermediate sanctions*. New York: Oxford University Press.

83. Peterson, R. D., Krivo, L. J., & Hagan, J. (2006). *The many colors of crime*. New York: New York University Press.
84. Pheterson, G. (2008). "Tracing a radical feminist vision from the 1970's to the present: Left-Right, North South." Talk presented at Graduate Gender Program (GGeP) of the University of Utrecht, the Netherlands.
85. Powell, M., & Confessore, N. (2008). "4 Arrests, Then 6 Days to a Resignation." *New York Times*, 13 Mar., <http://www.nytimes.com/2008/03/13/nyregion/13recon.html>.
86. Razack, S. (1995). Domestic violence as gender persecution: policing the borders of nation, race, and gender. *Canadian Journal of Women and the Law*, 8 (1), 45–88.
87. Rubin, G. (1975). The traffic in women: Notes on the 'political economy' of sex. In R. Reiter (Ed.), *Toward an anthropology of women*. New York: Monthly Review Press.
88. Saletan, W. (2003). *Bearing right: How conservatives won the abortion war*. Berkeley: University of California Press.
89. Saunders, P. (2005). Traffic violations: determining the meaning of violence in sexual trafficking versus sex work. *Journal of Interpersonal Violence*, 20 (3), 343–360.
90. Schaffner, L. (2005). *Girls in trouble with the law*. New Brunswick: Rutgers University Press. "Sex laws: Unjust and Ineffective." (2009). *The Economist*, 6 Aug., www.economist.com/node/14164614.
91. Simon, J. (2007). *Governing through crime: How the war on crime transformed American democracy and created a culture of fear*. New York: Oxford University Press.
92. Soderlund, G. (2005). Running from the rescuers: new U.S. crusades against sex trafficking and the rhetoric of abolition. *NWSA Journal*, 17 (3), 64–87.
93. Spivak, G. (1988). Can the subaltern speak? In C. Nelson & L. Grossberg (Eds.), *Marxism and the interpretation of culture* (pp. 271–313). Urbana: University of Illinois Press.
94. Stein, A. (2002). *The stranger next door: The story of a small community's battle over sex, faith, and civil rights*. Boston, Massachusetts: Beacon.

95. Sudbury, J. (Ed.). (2005). *Global lockdown: Race, gender and the prison-industrial complex*. London: Routledge.
96. Sun, C. (2007). "The fallacies of phantasies." In D. E. Guinn (Ed.), *Pornography: driving the demand in international sex trafficking* (pp. 233–251). Captive Daughters Media.
97. Thrupkaew, N. (2009). "Beyond Rescue." *The Nation*. 26 Oct. <http://www.thenation.com/doc/20091026/thrupkaew>.
98. Ticktin, M. (2008). Sexual violence as the language of border control: where French feminist and anti-immigrant rhetoric meet. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 33 (4), 863–889.
99. Tonry, M. (1995). *Maligned neglect: Race, crime, and punishment in America*. New York: Oxford University Press.
100. United Nations Office on Drugs and Crime. (2000). "Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, Supplementing the United Nations Convention Against Transnational Organized Crime." http://www.uncjin.org/Documents/Conventions/dcatoc/final_documents_2/convention_%20traff_eng.pdf.
101. United States Department of Justice. (2011). "Characteristics of Suspected Human Trafficking Incidents, 2008–2010." <http://bjs.ojp.usdoj.gov/content/pub/pdf/cshti0810.pdf>.
102. United States Department of State. (2000). "Victims of Trafficking and Violence Protection Act of 2000 (Public Law 106–386)." <http://www.state.gov/documents/organization/10492.pdf>.
103. United States Department of State. (2005). "Trafficking Victims Protection Reauthorization Act of 005 (H.R. 972)." <http://www.state.gov/g/tip/laws/61106.htm>.
104. United States Government Accountability Office (GAO) Report. (2006). "Human Trafficking: Better Data, Strategy, and Reporting Needed to Enhance U.S. Antitrafficking Efforts Abroad" (GAO-06-825). <http://www.gao.gov/new.items/d071034.pdf>
105. Urban Justice Center (2009). *The Use of Raids to Fight Trafficking in Persons*. <http://sexworkersproject.org/downloads/swp-2009-raids-and-trafficking-report.pdf>.

106. Vance, C. (Ed.). (1993). *Pleasure and danger: Exploring female sexuality*. London: Routledge & Kegan Paul Books.
107. Vance, C. (1997). Negotiating sex and gender in the attorney general's commission on pornography. In R. N. Lancaster & M. di Leonardo (Eds.), *The gender/sexuality reader: Culture, history, political economy* (pp. 434–440). New York: Routledge.
108. Vance, C. (2010). Thinking trafficking, thinking sex. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 17 (1), 135–143.
109. Wacquant, L. (2009a). *Prisons of poverty*. Minnesota: University of Minnesota Press.
110. Wacquant, L. (2009b). *Punishing the poor: The neoliberal government of social insecurity*. Durham: Duke University Press.
111. Walkowitz, J. (1982). *Prostitution in Victorian society*. United Kingdom: Cambridge University Press.
112. Weitzer, R. (2007). The social construction of sex trafficking: ideology and institutionalization of a moral crusade. *Politics and Society*, 35 (3), 447–475.
113. Western, B. (2006). *Punishment and inequality in America*. New York: Russell Sage Foundation.
114. Wood, J. K. (2005). In whose name? Crime victim and the punishing power of protection. *NWSA Journal*, 17 (3), 1–17.
115. Zimring, F. (2007). *The great American crime decline*. Oxford: Oxford University Press.